

Едва Со Фэй начал понемногу брать верх, как на него обрушилось давление, превосходившее всё, что ему доводилось испытывать прежде. Только теперь он понял: кукловод раньше действовал вполсилы, придерживав козырь в рукаве!

Почему? Может, поначалу тот не воспринимал Со Фэя всерьёз?

Но вместо страха эльф ощутил прилив решимости. Терять ему было нечего; все, кто ему дорог, сейчас здесь, рядом. Он должен выложиться на полную и победить!

Собрав волю в кулак, Со Фэй разом высвободил мощную силу, исходящую из глубин его души. Он будет стоять до конца, не отступит и не дрогнет.

В этой войне не было ни крови, ни оружия, но по жестокости она многократно превосходила любое сражение. Здесь сражались не тела, а разумы и души. Одна ошибка, одно мгновение слабости, и поражение неизбежно.

Сальвадор всегда был уверен в собственном превосходстве. Предыдущую неудачу он объяснял лишь тем, что ему одновременно приходилось удерживать под контролем Хеля и Сайфера Эванса. К тому же, он недооценил противника. Что вообще мог ему противопоставить какой-то эльф?

Он был последним кукловодом Яланса. Искусство управления чужим разумом требовало абсолютной концентрации и тысячелетий совершенствования. Сальвадор не сомневался, что во всём мире не осталось тех, кто способен превзойти его в силе духа. Даже в эпоху, когда по земле ещё ходили боги, таких существ можно было пересчитать по пальцам. И уж тем более к ним не мог относиться жалкий эльф, чья раса давно пришла в упадок.

Поэтому даже теперь Сальвадор продолжал смотреть на Сайфера Эванса свысока. Он ненавидел эти «благородные» расы с их высокомерием и напускным благочестием. Под красивыми масками скрывалась уродливая суть... Из самых глубин его души медленно поднималась застарелая ненависть.

Противостояние всё сильнее распаляло его. Рациональность таяла, а вместе с ней исчезала и привычная осторожность. Сальвадор уже забыл, что эльф был ключом к пробуждению Лоне. В сознании билась лишь одна мысль: победить, раздавить, сломить! Он заставит выродка упасть на колени, чтобы тот рыдал и молил о пощаде, и тогда наконец сполна насладится его унижением!

Ярость пожирала его изнутри, шаг за шагом подталкивая к пропасти безумия.

В отличие от Сальвадора, Со Фэй оставался на удивление спокойным. Он сражался не во имя ненависти, а ради тех, кого хотел защитить. Его упорство питали любовь и нежелание отступать. Такие чувства не иссякают, а, напротив, со временем лишь крепнут. Поэтому его сила продолжала медленно, но неуклонно расти.

В духовном поединке важнее всего ясность ума и самообладание. Сальвадор, ослеплённый ненавистью и высокомерием, утратил и то, и другое. А когда разум уступает место безумию, защита души рушится, оставляя её беззащитной перед противником.

С самого начала Сальвадор был обречён на поражение.

Он недооценил противника; его подвели собственная гордыня, ненависть и жажда мести. С каждой минутой эти чувства всё сильнее захлёстывали его, пока наконец возведённые им стены не разлетелись вдребезги, как хрупкое стекло, и Со Фэй не ворвался в его разум.

В тот миг в нём пробудилась сила, о существовании которой он даже не подозревал. Сила, что всегда дремала в самой глубине его души и никогда прежде не находила выхода. Эльф был подобен полководцу, без сопротивления захватывающему один город за другим. Он стремительно мчался по бескрайним просторам сознания Сальвадора, ещё не умея совладать с вырвавшейся на свободу силой. Неосознанно впитывал всё без разбора, не понимая, как остановиться.

Сальвадор потерпел сокрушительное поражение. Всю свою бесконечно долгую жизнь он учился подчинять других и превращать их в марионеток, но ему даже в голову не приходило, что однажды он сам окажется на их месте.

И вот теперь его охватил настоящий ужас. Он сковал волю, не оставив сил сопротивляться. Перед чудовищной духовной мощью Сайфера Эванса Сальвадор оказался беспомощен, как новорождённый младенец. Он отчётливо ощущал, как всё, что составляло его личность, утекает прочь. Когда поглощение завершится, он лишится всего. От него останется лишь пустая оболочка.

Нет... так не должно быть! Это невозможно, неправильно! Он не может проиграть слабому трусливому эльфу, который всё равно обречён однажды погибнуть от проклятия.

Нужно лишь убить его, и всё вернётся на свои места. Всё, что по праву принадлежит Сальвадору, вновь станет его.

Ну конечно! Нужно убить его, уничтожить тело. Каким бы сильным ни был дух, после гибели плоти он обречён. У него ещё оставался Лето, и Сальвадор мог приказать ему расправиться с проклятым эльфом. И тогда всё закончится. И как он раньше не догадался?

С внезапно вспыхнувшей надеждой Сальвадор попытался связаться с Лето, но привычного бесстрастного ответа не последовало. Что-то внутри оборвалось. Почему тот молчит? Неужели перестал ему подчиняться?

Нет, исключено. Собрав остатки сил, Сальвадор мысленно закричал:

— Убей его! Я приказываю тебе убить его!

После невыносимо долгого ожидания он с облегчением услышал знакомый голос:

— Да, хозяин.

В следующее мгновение грудь пронзила острая, невыносимая боль, настолько сильная, что Сальвадор едва не задохнулся. В нос ударил густой запах крови.

Эта боль на миг вырвала его из духовной битвы. Медленно опустив взгляд, он увидел длинный клинок, вошедший ему в грудь. А затем посмотрел на того, кто держал меч. Почему? Почему он?..

Почему Лето обратил оружие против своего хозяина?

Встретившись взглядом с пустыми глазами синеволосого сильфа, Сальвадор сразу понял, что проиграл. На этот раз окончательно и бесповоротно.

Разрушая его разум, Сайфер Эванс успел ещё и разорвать контракт с Лето. Самая преданная марионетка Сальвадора больше ему не принадлежала. Он застыл, глядя на знакомое безучастное лицо того, кто всегда беспрекословно исполнял любой его приказ, каким бы жестоким или безумным тот ни был.

Теперь Лето для него потерян... Эта мысль ранила сильнее, чем клинок в груди. И Сальвадор перестал сопротивляться.

Его дух угасал, силы покидали тело. Боль постепенно отступала, а может, он уже просто переставал её чувствовать. Он простоял ещё несколько секунд, после чего медленно рухнул навзничь. Широко раскрытые глаза невидяще смотрели в небо. Его некогда прекрасное лицо стремительно теряло краски, кожа посерела, черты заострились. Лишённое души тело напоминало догорающую свечу, готовую погаснуть от легчайшего дуновения.

Со Фэй резко распахнул глаза. Голова раскалывалась, но, не обращая внимания на боль, он первым делом повернулся к Самаэлю. От увиденного всё внутри болезненно сжалось. Не раздумывая ни мгновения, Со Фэй принялся шептать заклинание, найденное в памяти Сальвадора. Прежде он его не знал, а сейчас оно всплыло на поверхность, словно всегда было частью его самого.

Слова медленно срывались с его губ, тяжёлые и древние, как дыхание самой вечности. И тогда произошло нечто поистине жуткое.

Поле боя было усеяно мёртвыми телами. Под мерный, глухой напев они начали медленно подниматься. Пустые, невидящие глаза, изломанные тела, разорванная плоть. Кровь, медленно

стекающая по доспехам... Казалось, сама преисподняя разверзлась и выпустила их обратно в мир живых. Мертвецы вновь бросились в бой.

Они не знали ни строя, ни тактики. Сражались дико и яростно, повинуюсь лишь желанию убивать. Первыми под удар попали фальшивые Сайферы Эвансы. Мертвецы с животной свирепостью рвали их голыми руками, вгрызались зубами в плоть, а павшие спустя считанные мгновения вновь поднимались, чтобы продолжить бой.

Вокруг творился настоящий ад, даже у закалённых воинов кровь стыла в жилах. Маги, воины, ассасины — все замерли, не веря собственным глазам. А затем поле боя захлестнули крики ужаса.

Всё окончательно вышло из-под контроля. Этот кошмар проникал в самую душу, ломая волю и уничтожая решимость. Никто больше не думал о победе, всем хотелось только одного — бежать. Бежать из этого чёртова пекла.

Сам Со Фэй почти не осознавал, что делает. Заклинание, которое он использовал, было запретным. Даже Сальвадор не осмеливался его применять. Но Со Фэй этого не знал; увидев раненого Самаэля, он перестал думать. Ярость и отчаяние заставили его применить эти чары.

«Почему нас вечно кто-то преследует? Мы никому не сделали ничего плохого, никого не трогали, просто отвалите уже и дайте жить спокойно!»

Он подошёл к Самаэлю. На теле демона было множество ран, но самая страшная зияла на груди, и Со Фэй нанёс её собственной рукой. Сердце было слабым местом Самаэля. Если вся кровь в нём иссякнет, тот умрёт.

Со Фэй знал это лучше кого бы то ни было и всё равно нанёс удар. От этой мысли его собственное сердце сжалось так сильно, что стало трудно дышать, словно тот удар пришёлся по нему самому.

Он склонил голову, закрыл глаза и осторожно коснулся губами раны на груди Самаэля.

Повсюду были лишь кровь, крики и смерть. Посреди этого бушующего ада стоял эльф с закрытыми глазами. Его лицо оставалось удивительно спокойным и чистым, словно этот кровавый хаос был не в силах коснуться его.

Их окутало ослепительно яркое священное сияние. Казалось, между ними вспыхнуло маленькое солнце.

А когда свет наконец рассеялся, на теле Самаэля не осталось ни единой раны. Тот бережно держал на руках потерявшего сознание эльфа, и в фиолетовых глазах отражался лишь он один.

Самаэль расправил величественные чёрные крылья. Сейчас он выглядел так, будто восстал из бездны.

Он наклонился и мягко коснулся губами лба Со Фэя, что-то прошептал и осторожно уложил его на широкую спину алого дракона. А потом взмыл в небо. На его губах заиграла лёгкая улыбка, но в ней не было радости, лишь холодная презрительная насмешка над чужой жадностью, ненасытными желаниями и безграничным честолюбием.

Пора положить конец этой бессмысленной бойне.

Армия «Восставших против небес» была разгромлена. Строй рассыпался, и поле боя окончательно погрузилось в хаос. Даже Линдиор, всегда сохранявший хладнокровие, был настолько потрясён увиденным, что на какое-то время лишился дара речи.

Но настоящий ужас настиг его позже, когда Самаэль прорвался сквозь окружение и стремительной тенью упал с небес прямо перед ним. Император демонов ощутил, как по спине пробежал ледяной холод. Смерть дышала у самого уха.

Он связался с тем, с кем связываться не следовало. Ни в коем случае не следовало! Нельзя было его задевать, нельзя было настраивать против себя.

Но это ещё не конец. Не может всё закончиться вот так. Они не могут, не имеют права проиграть. Тысячи лет подготовки... Неужели всё это рассыплется в прах за один-единственный день?

Они не совершили ничего дурного. Всё, что они делали, было ради блага своего народа. Разве желание спастись — это преступление? Они просто хотят жить!

<http://bllate.org/book/14660/1737179>